

МОНАСТЫРСКОЕ ПОДВОРЬЕ

№5 14 июня 2015 года

Русская Православная Церковь, Московский Патриархат, Благовещенская Епархия, г. Белогорск,
Подворье Свято-Троицкого мужского епархиального монастыря, храм иконы Пресвятой Богородицы «Скоропослушница».
Издается по благословению Преосвященнейшего Лукиана, епископа Благовещенского и Тындинского.

Белогорцы! Ваш храм срочно нуждается в помощи!

Реквизиты для пожертвований:

Получатель: Подворье иконы Божией Матери «Скоропослушница» г. Белогорск
ИНН/КПП: 2804003982/280401001, Расчетный счет №: 40703810300030000010
Банк: «Азиатско-Тихоокеанский Банк» (ОАО), г. Белогорск
БИК банка: 041012765; Корреспондентский счет банка: 30101810300000000765
Назначение платежа: Пожертвование на уставные цели. Без налога (НДС)
Адрес храма: 676850, Амурская обл., г. Белогорск, ул. Политехническая 15
Тел.: 8-914-610-08-91

Священники храма в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница»
совершают следующие требы:

Причащение и соборование больных на дому,

Молебны: - благодарственный
- о выздоровлении
- о путешествующих
- на начало дела

Крещение,
Отпевание, Панихида,

Освящение: - домов
- квартир
- офисных и производственных помещений
- машин

Более подробную
информацию можно
получить в церковной
лавке по адресу:
г. Белогорск,
ул. Политехническая 15.

Или по телефонам:
8-914-593-16-95
8-914-610-08-91

21 июня память великомученика Феодора Стратилата.

Святой Федор (Феодор) происходил из города Евхаит (в Малой Азии, ныне Турции) и был воеводой (по-гречески — «стратилатом») в городе Геракле, близ Черного моря. Своей благочестивой жизнью и кротким управлением он расположил к себе сердца горожан,

и многие язычники, видя его добродетельную жизнь, принимали веру Христову. Когда слух об этом дошел до императора Ликийя (308-323 гг.), соправителя Константина, он прибыл в Гераклею и принуждал Феодора поклониться идолам. Когда же святой Федор остался непоколебимым, разгневанный правитель приказал подвергнуть исповедника Христова жестоким мучениям.

Святого Федора растянули на земле, били железными прутьями, строгаи его тело острым железом, палили огнем и, наконец распяли на кресте и выкололи глаза. Ночью ангел явился мученику, снял его с креста и совершенно исцелил его. Наутро слуги Ликийя, посланные бросить тело святого Феодора в море, увидев его совершенно здоровым, уверовали во Христа. Уверовало также и много других язычников, видевших чудо Божие. Узнав об этом, Ликийий приказал обезглавить святого Федора, и он умер в 319 году. Страдания его были описаны очевидцем, его слугой и писцом Уаром.

Европа христианская и постхристианская.

В интернете появилось симптоматическое высказывание одного из фрондирующих публицистов и политологов: «Дай Бог, чтобы во главе России встали умные и добрые люди, которые смогли бы с помощью остального мира провести эти процессы декоммунизации, детоталитаризации нашего общества, вернуть его в сообщество европейских, христианских или постхристианских, как угодно, народов».

Сообщество европейских народов упомянуто здесь всуе. России невозможно ни войти в Европу, ни выйти из нее, поскольку наше присутствие в ней – это географическая данность, не подлежащая ревизиям. Понятно, что под Европой в этом изречении подразумевается ее западный край и, вероятно, – раз туда входят и оттуда выходят – также и те балканские страны, которые были благосклонно допущены до присутствия в высоком сообществе. Как известно, этой блаженной участи сподобились процветающие «общества Восточной и Центральной Европы» – подразумеваются, вероятно, Румыния, Болгария и Албания, которым позволили «стать вновь частью единой Европы, стать частью атлантической системы безопасности». Характерно, что, отдавая дань реальному положению дел, знаменитый политолог вслед за «единой Европой» упоминает «атлантическую систему безопасности», в которой, как всем известно, главный компонент отнюдь не Европа, но страна, представляющая собой в географическом отношении антипод Европы, – та, что расположена по другую сторону Атлантики, так что, если уподобить это двусоставное существо комбинации слона и не-слона, слонем в ней окажется совсем не Европа. И вот, страны «Восточной и Центральной Европы», прилепившиеся к атлантическому сообществу, пережили «транзицию, переход от одного к другому», переход от былой бедности к современному процветанию, преуспеянию, изобилию, а злополучная «Россия никуда не перешла».

В этих пассажах каскад искрометных идей, каждая из которых заслуживает комментирования, например о коммунизме и тоталитаризме современной России и о том, как «добрые люди» будут ее лечить. Но более всего поражает поставление в одном ряду, через запятую, «христианских или постхристианских, как угодно, народов». Иными словами, главное, чтобы они были европейскими, а христианские они при этом или постхристианские – это уже, «как угодно», то есть безразлично: одинаково хорошо и то, и другое. Что ж, для религиоведа и христианство, и постхристианство – предметы, заслуживающие изучения, но может ли христианин быть одинаково доволен, когда он видит свою страну включенной в мир христианский или вовлеченной в постхристианское сообщество, лишь бы только оно было атлантическим, иными словами – состояло под протекторатом атлантической сверхдержавы, – это тема, коснуться которой уместно, потому что автор изречения, хорошо известный в церковной среде, и в прошлом позиционировал себя как христианин, и до сих пор не заявлял о своем отречении, даром что иные из его высказываний на общественные и политические темы перестали заметным образом

отличаться от тирад откровенных хулителей Христа и Церкви.

Такие выражения, как «постхристианская» и «христианская» Европа, «советская» и «постсоветская» Россия, прямыми антонимами и в самом деле не являются, но употребляются они всё же не для того, чтобы указать на хронологическую последовательность эпох, но чтобы противопоставить обозначаемые объекты друг другу. Понятно, что та эпоха, к названию которой присовокупляют «пост-», несет на себе черты предшествующего времени, но доминируют в ней уже новые качества, контрастные тем, которые составляли лицо предшествующей эпохи. Можно или нельзя, естественно или противоестественно одинаково ценить и любить ту и другую Россию или ту и другую Европу? Можно, конечно, если предметом любви служит нечто не подлежащее переменам: «Но я люблю – за что, не знаю сам, – / Ее степей холодное молчанье, / Ее лесов безбрежных колыханье, / Разливы рек ее, подобные морям», – это стихи М.Ю. Лермонтова о его любви к России. Восхищения заслуживают и Альпийские горы, независимо от того, в какой фазе исторического процесса пребывают народы, обитающие на их склонах и в их ущельях. Можно и в современной пост-Европе любить и ценить то, что сохранилось, что уцелело в ней от прежней христианской Европы, пройдя через катаклизм революционной катастрофы или, как изящно выражается почтенный автор, пережив «транзицию» от прежней реальности к постреальности, подобно тому как православные христиане, жившие в советской России, любили Россию не за то, что она советская, а потому, что и под наброшенной на нее советской оболочкой она оставалась Россией с ее тысячелетней христианской историей.

Но сохранились ли у современного постхристианского Запада черты его христианского прошлого? Разумеется, сохранились. Еще в XIX веке наследник славянофилов и почвенник Ф.М. Достоевский писал о любви к священным камням Европы. Эти камни, эти соборы высятся и по сей день в городах Запада. И не только священные камни соборов, но и живые человеческие души, унаследовавшие завещанную от предков веру и стремящиеся жить по своей христианской совести, там тоже есть. Но тон современному Западу задают ныне отнюдь не христианские, а противоположные им ценности – те самые, которые как раз и называются «пост», в то время как христианство на Западе пребывает в загоне. Чтобы игнорировать очевидную противоположность христианских и постхристианских ценностей, христианской и постхристианской морали, чтобы ставить через равнодушную запятую христианскую и, если угодно, постхристианскую Европу, требуется высокий градус олимпийской постмодернистской невозмутимости.

В действительности, однако, силы, господствующие на Западе, отнюдь не склонны ставить христианство и «постхристианство» на одну доску. Те политики, которые правят в современной постхристианской Европе, бегут, если прибегнуть к известной поговорке, как от ладана, от всякой хотя бы и самой деликатной и робкой попытки обозначить исторически бесспорную преемственную связь «Европы», что в данном случае значит собственно Европейский Союз, со своим про-

шлым – с Европой христианской.

Пропагандисты постхристианского Запада заявляют о правах человека как высшей ценности, но под ними подразумевают специфические права. С самым рьяным энтузиазмом в постхристианской и постмодернистской Европе защищают не все вообще права человека, а право на эвтаназию, на выведение гомункулуса, на перемену пола, на однополые браки. На политическом Олимпе современного Запада уже была изречена директивная формула о том, что права человека – это собственно права лиц с девиантной ориентацией. И этот классический афоризм лежит в основании законодательных актов Евросоюза и в законоприменительной практике государств постхристианской Европы. Отважных обличителей пороков там бросают в тюрьмы. Священники и миряне разных христианских конфессий уже поплатились свободой за обличение противоестественных грехов с амвона. В Швейцарии суд вынес обвинительный приговор пастырю за публикацию в одной из газет всего лишь цитаты из Первого послания апостола Павла к Коринфянам: «Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6: 9). Судьи на этом процессе горой встали на защиту неотъемлемых прав блудников, идолослужителей, прелюбодеев и мужеложников на наследование Царства Небесного и приговорили обвиняемого к лишению свободы. Такие вот радужные перспективы разверзлись для западных европейцев. Именно в эту «христианскую или, как угодно, постхристианскую Европу» нас и зовут, а лучше сказать, такую именно Европу с подобными судами и судьями нам хотят устроить здесь, на месте, с доставкой на дом, «добрые люди» «с помощью остального мира». Под «остальным миром» расисты обыкновенно подразумевают, конечно, не весь мир, в котором проживают 7,5 миллиардов человек, но «атлантическое сообщество», достаиваемое звания цивилизованного золотого миллиарда.

Постхристианская Европа – это не восстание революционных радикалов былых времен против устоев старого мира, вместо которого они стремились здесь и сейчас, немедленно построить Царство Божие на земле – хилиастская закваска революционных движений средневековой и новой Европы очевидна. У постхристианской и постмодернистской Европы иной пафос – устроиться так, как если бы Господь Иисус Христос не приходил никогда в этот мир. Предвосхищая господствующую мораль этого «сообщества», Ф.М. Достоевский обозначил ее краткой формулой: «заголимся и обнажимся»: «Ах, как я хочу ничего не стыдиться! – с восторгом воскликнула Авдотья Игнатьевна» (это из замогильных, своего рода постземных мечтаний почтенной дамы, которым она предается во включенном в «Дневник писателя» рассказе «Бобок»).

Напоминает ли нам этот «прекрасный новый мир», пришествие которого предвидел Достоевский, что-нибудь из прошлого, из ушедших эпох? Напоминает, конечно. Отчасти это похоже на «пиры во время чумы», случавшиеся в средневековье, – припадки лихорадочного и бесстыдного веселья, известные и

из хроник, и из беллетристики – из знаменитого «Декамерона». Но то были лишь мимолетные выпадения из руслу жизни – серьезной и трудной, исполненной высокого смысла. Духовная атмосфера современного постхристианского пиршества обнаруживает более близкие параллели с тем миром, который являло собой римское общество времен упадка.

В эту самую атмосферу и нас пытаются погрузить, а в 1990-е годы казалось уже, что эксперимент с «транзицией» прямиком из коммунизма в постхристианство триумфально состоялся. В ту пору возникало впечатление, что и русские люди, по меньшей мере «новые русские», попали под обаяние «прекрасного нового мира», что и мы заразились и безнадежно отравились его миазмами. Иные из живописных бытовых картинок тех лет, обнародованных ради популяризации через телевидение и интернет, словно срисованы были из «Сатирикона» Петрония. Популярны у нас в ту пору анекдоты о «новых русских» воспринимаются как реплики из этого романа. Вот, например, столь легко узнаваемый портрет бравого нувориша при его появлении в пиршественном зале – триклиниуме, куда его торжественно вносят из бани: «Его скобленая голова высывалась из ярко-красного палия, а вокруг и без того закутанной шеи он еще наматал шарф с широкой пурпурной оторочкой и свисающей там и сям бахромой. На мизинце левой руки красовалось огромное позолоченное кольцо; на последнем же суставе безымянного... настоящее золотое... А чтобы выставить напоказ и другие драгоценности, он обнажил до самого плеча правую руку, украшенную золотым запястьем и еще скрепленным сверкающим бляхой браслетом из слоновой кости». Свои несметные богатства вольноотпущенник, или, что то же, либертин, Тримальхион, по его собственному признанию, стяжал тем, что «четырнадцать лет по-женски был любезным» своему хозяину, который, будучи бездетным, в благодарность за услуги раба завещал ему свое состояние. Для тех, кто отвык от чтения, можно рекомендовать фильм Ф. Феллини, который так и называется «Сатирикон». Толчком к его созданию послужила режиссеру «сладкая жизнь» современных ему уже не либертинов, но либертарианцев.

Римская цивилизация в том своем состоянии, которое отразилось в «Сатириконе», в конце концов обнаружила свою нежизнеспособность, свою обреченность – по причине простой и очевидной: кому была охота защищать с оружием в руках, рискуя жизнью, благоденствие оскотинившихся Тримальхионов. Спасла Рим его радикальная трансформация – принятие императором Константином, а вслед за ним, хотя и не сразу, и всей империей Благой Вести о Христе и спасении мира Его крестной смертью. Ныне же пропагандисты постхристианского «атлантического сообщества» предлагают миру «транзицию» в обратном направлении.

В своем интервью апологет, если угодно, постхристианской Европы пророчествует, называя сроки с точностью до года: «России грозит нищета и очень широкий системный экономический кризис, что, естественно... вызывает социальные беспорядки... Так что перспективы 2015 года мне представляются очень мрачными. Конечно, я не пророк, я ничего не

могу говорить о том, в какой форме это произойдет. Но, безусловно, в нынешнем своем положении Россия долго существовать не сможет, этот год, 2015-й, в нынешнем положении не переживет», – иными словами, снова, как и 100 лет назад, «в терновом венце революций грядет шестнадцатый год». Но не будем пугаться. Поживем – увидим, скорее все-таки – не увидим, не «грядет». Это пустые и тщетные ожидания, когда желаемое выдается за непременно сбывающееся.

А вот, подражая провидцу, по скромности не желающему величать себя пророком, хотя и не пытаясь при этом сравниться с его даром, достойным Кассандры, не претендуя на хронологическую определенность и опираясь лишь на очевидные доводы, можно предположить другое – что нет шансов на долгое и безмятежное существование западной цивилизации в ее постхристианском, постмодернистском виде, потому что в случае чего многим ли захочется защищать ценой собственной крови судей, бросающих людей в тюрьмы за одно только напоминание о последствиях греховной жизни ссылкой на слова апостола. Трудно сказать, чем кончится эксперимент с устройением общества, в котором утрачен дар различения добра и зла, в котором христианские и постхристианские ценности ставятся в один ряд, через равнодушную запятую, как одинаково привлекательные для нас магниты: повторным крещением Запада, у которого ныне отбивают память о его христианских истоках, его действительным закатом, в свое время предсказанным проницательным мыслителем О. Шпенглером (причем в подлиннике его книга называется более корректно, чем получилось в переводе: «Закат Запада»), вытеснением его другой цивилизацией, не утратившей смыслов и веры, либо регенерацией опытов строителей Валхалы из «Аненербе» – знать этого нам не дано. В любом случае у Господа Свои и непостижимые для нас планы: «Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь. Но, как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших» (Ис. 55: 8–9).

Протоиерей Владислав Цыпин

Заявление Службы коммуникации ОВЦС.

в связи с решением Церкви Шотландии о возможности ординации представителей сексуальных меньшинств, состоящих в «гражданском союзе», и Объединенной протестантской церкви Франции о возможности благословения так называемых «однополых союзов»

16 мая 2015 года Генеральная ассамблея Церкви Шотландии разрешила ординации представителей сексуальных меньшинств, состоящих в гражданском союзе, а 21 мая проголосовала за продолжение изучения этого вопроса с целью дальнейшего расширения принятого решения. 17 мая Синод Объединенной протестантской церкви Франции допустил возможность благословения так называемых «однополых союзов».

Русская Православная Церковь с глубоким разочарованием восприняла эти решения протестантских церквей Шотландии и Франции, поскольку они представляются несовместимыми с нормами христи-

анской морали.

Со скорбью констатируем, что сегодня мы имеем новые разделения в христианском мире – не только по богословской тематике, но и по нравственным вопросам.

Имея твердую, основанную на Священном Писании позицию, Русская Православная Церковь последовательно заявляет о недопустимости упомянутых нововведений в нравственном учении и вынуждена пересматривать формат своих отношений с церквями и сообществами, попирающими принципы традиционной христианской морали. Так, в 2003 году Русская Православная Церковь приостановила контакты с Епископальной церковью в США в связи с тем, что эта церковь возвела в сан епископа открытого гомосексуалиста. Сходные причины вызвали разрыв отношений с Церковью Швеции в 2005 году, когда она приняла решения о благословении однополых союзов.

Руководствуясь определениями Архиерейского Собора 2008 года относительно того, что «будущее отношений со многими протестантскими общинами зависит от их верности нормам евангельской и апостольской нравственности, на протяжении многих веков хранимым христианами», и Архиерейского Собора 2013 года, который счел «невозможным диалог с теми конфессиями, которые открыто попирают библейские нравственные нормы», Отдел внешних церковных связей не видит перспектив дальнейшего поддержания официальных контактов с Церковью Шотландии и Объединенной протестантской церковью Франции.

mospat.ru

НАЧАЛО ПЕТРОВА ПОСТА

Если у человека спросить: «Как ты думаешь, какой самый страшный грех?» – один назовет убийство, другой воровство, третий подлость, четвертый предательство. На самом деле самый страшный грех – это неверие, а уж оно рождает и подлость, и предательство, и прелюбодеяние, и воровство, и убийство, и что угодно.

Грех не есть проступок; проступок является следствием греха, как кашель – это не болезнь, а ее следствие. Очень часто бывает, что человек никого не убил, не ограбил, не сотворил какой-то подлости и поэтому думает о себе хорошо, но он не знает, что его грех хуже, чем убийство, и хуже, чем воровство, потому что он в своей жизни проходит мимо самого главного.

Неверие – это состояние души, когда человек не чувствует Бога. Оно связано с неблагодарностью Богу, и им заражены не только люди, полностью отрицающие бытие Божие, но и каждый из нас. Как всякий смертный грех, неверие ослепляет человека. Если кого-то спросить, допустим, о высшей математике, он скажет: «Это не моя тема, я в этом ничего не понимаю». Если спросить о кулинарии, он скажет: «Я даже суп не умею варить, это не в моей компетенции». Но когда речь заходит о вере, тут все имеют собственное мнение. Один заявляет: я считаю так; другой: я считаю так. Один говорит: посты соблюдать не надо. А другой: моя бабушка была верующей и она вот так делала, поэтому надо делать так. И все берутся судить и рядить,

хотя в большинстве случаев ничего в этом не понимают.

Почему, когда вопросы касаются веры, каждый стремится обязательно высказать свое дурацкое мнение? Почему в этих вопросах люди вдруг становятся специалистами? Почему они уверены, что все здесь понимают, все знают? Потому что каждый считает, что он верует в той самой степени, в которой необходимо. На самом деле это совершенно не так, и это очень легко проверить. В Евангелии сказано: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет». Если этого не наблюдается, значит, нет веры даже с горчичное зерно. Так как человек ослеплен, то он считает, что верует достаточно, а на самом деле он не может совершить даже такой пустяк, как сдвинуть гору, которую и без веры сдвинуть можно. И из-за маловерия происходят все наши беды.

Когда Господь шел по водам, Петр, который никого на свете не любил так, как Христа, захотел прийти к Нему и сказал: «Повели мне, и я пойду к Тебе». Господь говорит: «Иди». И Петр также пошел по водам, но на секунду испугался, усомнился и стал тонуть и воскликнул: «Господи, спаси меня, я погибаю!» Сначала он собрал всю свою веру и, на сколько ее хватило, на столько он и прошел, а потом, когда «запас» иссяк, стал тонуть.

Вот так же и мы. Кто из нас не знает, что Бог есть? Все знают. Кто не знает, что Бог слышит наши молитвы? Все знают. Бог всеведущ, и, где бы мы ни были, Он слышит все слова, которые мы произносим. Мы знаем, что Господь благ. Даже в сегодняшнем Евангелии есть подтверждение этому, и вся наша жизнь показывает, как Он к нам милостив. Господь Иисус Христос говорит, что, если наше дитя просит хлеба, неужели мы дадим ему камень или, если просит рыбу, дадим ему змею. Кто из нас может так поступить? Никто. А ведь мы люди злые. Неужели это может совершить Господь, Который благ?

Тем не менее мы все время ропщем, все время стонем, все время то с одним не согласны, то с другим. Господь нам говорит, что путь в Царствие Небесное лежит через многие страдания, а мы не верим. Нам все хочется быть здоровыми, счастливыми, мы все хотим на земле хорошо устроиться. Господь говорит, что только тот, кто пойдет за Ним и возьмет свой крест, достигнет Царствия Небесного, а нам это опять не подходит, мы снова настаиваем на своем, хотя считаем себя верующими. Чисто теоретически мы знаем, что в Евангелии содержится истина, однако вся наша жизнь идет против нее. И часто нет у нас страха Божия, потому что мы забываем, что Господь всегда рядом, всегда на нас смотрит. Поэтому мы так легко грешим, легко осуждаем, легко человеку можем пожелать зла, легко им пренебречь, оскорбить его, обидеть.

Теоретически нам известно, что есть вездущий Бог, но наше сердце далеко отстоит от Него, мы Его не чувствуем, нам кажется, что Бог где-то там, в бесконечном космосе, и Он нас не видит и не знает. Поэтому мы грешим, поэтому не соглашаемся с Его заповедями, претендуем на свободу других, хотим переделать все по-своему, хотим всю жизнь изменить и сделать ее такой, как мы считаем нужным. Но это

совершенно неправильно, мы никак не можем в такой степени управлять своей жизнью. Мы можем только смиряться перед тем, что Господь нам дает, и радоваться тому благу и тем наказаниям, которые Он посылает, потому что через это Он нас учит Царствию Небесному. Но мы Ему не верим – мы не верим, что нельзя грубить, и поэтому грубим; не верим, что нельзя раздражаться, и раздражаемся; мы не верим, что нельзя завидовать, и часто кладем глаз на чужое и завидуем благополучию других людей. А некоторые дерзают завидовать и духовным дарованиям от Бога – это вообще грех страшный, потому что каждый от Бога получает то, что он может понести.

Неверие – это удел не только людей, которые отрицают Бога; оно глубоко проникает и в нашу жизнь. Поэтому мы часто пребываем в унынии, в панике, не знаем, что нам делать; нас душат слезы, но это не слезы покаяния, они не очищают нас от греха – это слезы отчаяния, потому что мы забываем, что Господь все видит; мы злимся, ропщем, негодуем.

Отчего мы всех близких хотим заставить ходить в церковь, молиться, причащаться? От неверия, потому что мы забываем, что Бог хочет того же. Мы забываем, что Бог каждому человеку желает спастись и о каждом заботится. Нам кажется, что никакого Бога нет, что от нас, от каких-то наших усилий что-то зависит, – и начинаем убеждать, рассказывать, объяснять, а делаем только хуже, потому что привлечь к Царствию Небесному можно лишь Духом Святым, а у нас Его нет. Поэтому мы только раздражаем людей, цепляемся к ним, надоедаем, мучаем, под благим предлогом превращаем их жизнь в ад.

Мы нарушаем драгоценный дар, который дан человеку, – дар свободы. Своими претензиями, тем, что хотим всех переделать по своему образу и подобию, а не по образу Божию, мы претендуем на свободу других и стараемся всех заставить мыслить так, как мыслим сами, а это невозможно. Человеку можно открыть истину, если он о ней спрашивает, если он хочет ее узнать, мы же постоянно навязываем. В этом акте нет никакого смирения, а раз нет смирения, значит, нет благодати Святого Духа. А без благодати Святого Духа результата не будет никакого, вернее, будет, но противоположный.

И вот так во всем. А причина в неверии – неверии Богу, неверии в Бога, в Его благой промысел, в то, что Бог есть любовь, что Он хочет всех спасти. Потому что, если бы мы верили Ему, мы бы так не поступали, мы бы только просили. Почему человек идет к какой-то бабке, к знахарке? Потому что он не верит ни в Бога, ни в Церковь, не верит в силу благодатную. Сначала он обойдет всех чародеев, колдунов, экстрасенсов, а если ничего не помогло, ну тогда уж обращается к Богу: авось поможет. И самое удивительное, что ведь помогает.

Если бы какой-то человек все время нами пренебрегал, а потом у нас стал что-то просить, мы бы сказали: знаешь, так не годится, ты так ко мне препогано относился всю жизнь, а теперь приходишь у меня просить? Но Господь милостивый, Господь кроткий, Господь смиренный. Поэтому по каким бы путям-дорогам человек ни ходил, какие бы безобразия он ни делал, но если он обращается к Богу от сердца, на по-

следний, как говорится, худой конец – Господь и тут помогает, потому что Он только и ждет нашей молитвы.

Господь сказал: «О чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам», а мы не верим. Мы не верим ни в свою молитву, ни в то, что Бог нас слышит, – не верим ничему. Вот поэтому у нас все и пусто, поэтому наша молитва как бы и не исполняется, она не может не только гору сдвинуть, а не может вообще ничего управить. Если бы мы действительно верили в Бога, тогда любого человека смогли бы на истинный путь направить. А направить на истинный путь возможно именно молитвой, потому что она оказывает человеку любовь. Молитва перед Богом – тайна, и в ней нет никакого насилия, есть только просьба: Господи, управь, помоги, исцели, спаси.

Если бы мы так действовали, то достигли бы большего успеха. А мы все надеемся на разговоры, на то, что как-то сами управимся, что-то такое сохраним на какой-то черный день. Кто ждет черного дня, у того он обязательно настанет. Без Бога все равно ничего не достигнешь, поэтому Господь говорит: «Ищите прежде всего Царствия Божия, и остальное все приложится вам». Но мы и этому не верим. Наша жизнь не устремлена в Царствие Божие, она больше направлена на людей, на человеческие отношения, на то, как бы здесь все наладить. Мы хотим удовлетворить собственную гордость, собственное тщеславие, собственное честолюбие. Если бы мы стремились к Царствию Небесному, то радовались бы, когда нас притесняют, когда нас обижают, потому что это способствует нашему вхождению в Царствие Небесное. Мы бы радовались болезни, а мы ропщем и ужасаемся. Мы боимся смерти, все стараемся продлить свое существование, но опять не ради Господа, не ради покаяния, а по своему маловерию, из страха.

Грех маловерия в нас проник очень глубоко, и с ним надо очень сильно бороться. Есть такое выражение: подвиг веры – потому что только вера может подвигнуть человека на что-то настоящее. И если каждый раз, когда в нашей жизни складывается такая ситуация, что мы можем поступить по-Божески и можем поступить по-человечески, – если каждый раз мы будем мужественно поступать по своей вере, то вера наша будет расти, она будет укрепляться.

Если взять гиру и каждый день поднимать ее по десять раз, а через месяц мышцу измерить, мы увидим, что она увеличится в объеме; а через год она будет еще больше. Так и вера: если мы ежедневно будем совершать некий поступок не по чувствам, не по разуму, а по нашей вере, то она в нас умножится. Вот раздражает меня какой-то человек тем, что лезет ко мне со всякими глупостями; надоел до предела. Что делать? Хочется убежать или сказать ему в ответ какую-то колкость, нечто такое, чтобы он больше никогда в жизни не приставал. Это мне хочется как человеку грешному, а как я должен поступить по вере? По вере я должен рассуждать так: зачем Господь ежедневно посылает ко мне этого человека, зачем Он дал мне этот крест? Для чего меня жизнь все время с ним stalkивает? Чтобы я терпел, чтобы я приобрел смирение терпя. Значит, буду терпеть год, два, три, четыре, десять лет, пока не смирюсь полностью, пока меня не перестанет

это раздражать.

И если каждый раз мы будем поступать по вере, не выплескивать свое раздражение, а, наоборот, держать его внутри и просить у Бога: Господи, помоги мне, дай мне терпение удержаться, не сказать грубость, резкость, дай мне как-то выдержать это маленькое испытание, – если мы будем так делать день, два, неделю, месяц, год, десять лет, то как мышца укрепляется и становится сильнее, так будет укрепляться и наша вера. И когда случится в нашей жизни какое-то действительно серьезное испытание, тогда мы сможем в вере устоять; мы не откажемся ни от Господа, ни от веры, ни от Царствия Небесного.

Если на спортсмена, который всю жизнь тренирует свое тело, нападут разбойники, и он от них побежит, а они все прокуренные да пропитые, 60 метров пробегут и отстанут. Спасется человек – ему пригодится то, что он занимался спортом. Поэтому когда мы терпим, допустим, свое раздражение, или все время преодолеваем свою жадность, или совершаем еще какой-то волевой акт, поступаем не по чувствам нашим, а по нашей вере, как должен поступать христианин, то мы это делаем не напрасно. Мы готовим себя к более серьезному экзамену, который обязательно будет. И самый серьезный экзамен, самое главное испытание – это смерть. Но и до смерти у нас будет очень много испытаний, и по мере возрастания нашей веры они будут расти.

Когда человек переходит в институте из курса в курс, экзамены все усложняются, а потом бывает самый главный, государственный, и диплом. Защита диплома – это наша смерть, а перед этим нужно сдать множество экзаменов. И чем больше растет наша вера, тем больше она будет Богом испытываться, потому что как иначе можно познать человека?

Был такой случай со Спиридоном Тримифунтским: он пришел на собор, а стражник его не пускает. Он говорит: «Почему ты меня не пускаешь? Я епископ». А был он в простой пастушеской одежде, потому что пас скотину, добывая себе пропитание. Стражник его ударил, и Спиридон подставил ему другую щеку. Тот говорит: «А, теперь вижу, что ты епископ, проходи». Вот он, пропуск. Сразу видно, что этот человек христианин. Не надо никаких документов, что ты, дескать, верующий. Вот написано: христианин; фотография – борода, усы; и печать. Этого не надо, потому что христианин проверяется не документом.

Единственный документ – исполняет человек заповеди Божии или не исполняет. А как это трудно! Какой-то простой мирянин бьет по лицу епископа. По церковным канонам тот, кто ударил епископа, отлучается от Церкви. То есть святитель Спиридон мог его за оскорбление священного сана отлучить от Церкви, и никто бы никогда ничего не сказал против этого. Но он его простил кротко сразу, и подставил левую, и на собор прошел, и все благополучно разрешилось, и того человека исцелил – он раскаялся. Вот поступок христианский. И наша христианская жизнь, и наша вера будут укрепляться, только если мы будем совершать христианские поступки.

Мы все пока не христиане, а ученики и только пытаемся жить по-христиански. Но если мы хотим христианами стать, нужно постоянно совершать хри-

стианские поступки и словом, и делом, и мыслью. Вот мысль какая-то пришла – если человек не христианин, он начинает этой мысли следовать, пока не придет другая. Обычно у того, кто не ведет духовную жизнь, в голове все время прокручивается какое-то «кино»: то одно подумал, то другое, то на то посмотрел, то на это. Увидел человека красиво одетого – у него зависть появилась. Увидел кого-то на машине едущего – думает о том, что он загазовывает воздух. Увидел красивое лицо – значит, другие какие-то мысли пошли. И так ум все время плавает. Но христианин должен постоянно бороться с помыслами. Каждый раз, когда мы отсекаем помысел греховный, мы совершаем нравственный поступок. Этот поступок не видит никто, кроме Отца Небесного. И Господь, видя тайное, воздаст нам всегда явное – он укрепит нашу веру.

Отсечь помысел не так уж трудно, это подвиг малый, но тем не менее еще раз руку согнул, еще раз поупражнял мышцу своей души, мышцу своей веры. Только таким образом можно веру укреплять. И любой спортсмен знает: сколько бы ты мышцу ни качал, но если ты год не тренируешься, то все исчезает. Тот, кто начинает заниматься спортом, обречен заниматься им до конца своих дней, иначе он превращается в огромную, неповоротливую тушу и у него портятся печень, легкие, сосуды, сердце. Так же и в христианской жизни. Не дай Бог кому-нибудь сделать эксперимент – взять и перестать молиться утром и вечером хотя бы дня три-четыре. На пятый день прочитать правило будет в сорок раз тяжелей, чем тогда, когда ты устал и пропустил, потому что душа уже ослабла.

Поэтому, чтобы нам веру укреплять, необходимо постоянное упражнение в молитве, в чтении слова Божия. Надо постоянно себя понуждать. Неустанно, хочу – не хочу, могу – не могу, надо заставлять себя идти в храм. Устал – не устал, дела у меня – не дела, прошел срок порядочный – надо заставить себя подготовиться к причастию и причаститься Святых Христовых Тайн. Какая-то сложилась ситуация – как тебе ни хочется поступить греховно, надо заставить себя поступить по-христиански, независимо от того, что ты чувствуешь и что ты думаешь. Есть заповедь Божия – и исполняй. И постепенно мы увидим, что заповеди нам становятся исполнять все легче и легче, а потом почувствуем, что нам невозможно совершить грех: мы настолько привыкнем исполнять заповеди Божии, что согрешать нам уже будет тяжело, мы не сможем даже себя к этому понудить – у нас возникнет навык христианской жизни. Вот это и есть возрастание нашей веры.

Каждый из нас должен быть кремнем. Господь назвал камнем Петра: «петрос» по-гречески значит «скала». «Ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою». Так же и мы. Если мы хотим быть храмом Святого Духа, домом Божиим, то должны обязательно веру свою укреплять и с неверием в своей душе постоянно бороться, не надеясь ни на каких людей, а только на Самого Единого Бога. И нужно постоянно к Нему обращаться. Только таким образом можно избавиться от этого пагубного греха неверия, который в каждом из нас есть, но присутствует так незаметно, что мы его не видим. В этом его и крайняя опасность. Аминь.

Протоиерей Димитрий Смирнов

Детский праздник в Благовещенской епархии.

7 июня, в Неделю всех святых, маленькие прихожане Благовещенской епархии собрались в церкви мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии подворья Среднебельского женского монастыря в городе Благовещенске. После Божественной литургии, которую возглавил епископ Благовещенский и Тындинский Лукиан, они с хоругвями, иконами и пением молитв совершили малый крестный ход вокруг храма.

В 12.30 в сквере подворья началась праздничная программа, организованная силами прихожан церкви святых мучениц.

Для всех гостей и участников мероприятия работала полевая кухня с солдатской кашей.

По благословению Преосвященного Лукиана, с этого года традиционное июньское мероприятие на подворье женского монастыря для удобства благовещенской детворы, мам и пап, а также гостей из районов, которые также посещают праздник, будет проводиться в первое воскресенье после Дня защиты детей.

blaginform.ru

Храму после ремонта требуется иконостас. Для начала работ по изготовлению иконостаса необходимо внести аванс в размере 250 000 рублей. Мы просим откликнуться всех жителей нашего города для сбора необходимой суммы.

<p align="center">Расписание Богослужений храма иконы Пресвятой Богородицы «Скоропослушница» (г. Белогорск, ул. Политехническая 15, тел. 89145931695)</p>			
Пн 15	<p align="center"><u>Память великомученика Иоанна Нового, Сочавского.</u> <u>Чествование</u> <u>Киево-Братской иконы Божией Матери.</u></p> <p>9⁰⁰-10⁰⁰ Молебен Иоанну Сочавскому. 17⁰⁰-18⁰⁰ Молебен Божией Матери пред иконой освященной от Чудотворного Образа.</p>	Чт 18	<p>9⁰⁰-10⁰⁰ Молебен Феодосию Коломенскому исповеднику пред иконой с частицей мощей. 17⁰⁰-19³⁰ Вечернее Богослужение. Исповедь.</p>
Вт 16	<p align="center"><u>Память священномученика Лукиана Бельгийского.</u> <u>Именины правящего архиерея Благовещенской епархии епископа Лукиана.</u></p> <p>9⁰⁰-10⁰⁰ Молебен священномученику Лукиану. 17⁰⁰-18⁰⁰ Молебен благоверному Владимиру Новгородскому пред иконой с частицей мощей.</p>	Пт 19	<p align="center"><u>Память преподобного Виссариона, чудотворца Египетского.</u></p> <p>9⁰⁰-11³⁰ Божественная Литургия. 17⁰⁰-19³⁰ Вечернее Богослужение. Исповедь.</p>
Ср 17	<p>9⁰⁰-10⁰⁰ Молебен священномученику Киприану пред иконой с частицей мощей. 17⁰⁰-18⁰⁰ Молебен Пресвятой Богородице пред иконой Неупиваемая Чаша, о исцелении и вразумлении пьющих и наркоманящих.</p>	Сб 20	<p align="center"><u>Память священномученика Феодота Анкирского.</u></p> <p>9⁰⁰-11³⁰ Божественная Литургия. Панихида. 14⁰⁰-15⁰⁰ Крещение взрослых и детей от 7 лет. 17⁰⁰-19³⁰ Вечернее Богослужение. Исповедь.</p>
Вс 21	<p align="center"><u>Память великомученика Феодора Стратилата.</u></p> <p>9⁰⁰-11³⁰ Божественная Литургия. 14⁰⁰-15⁰⁰ Крещение детей до 7 лет. 17⁰⁰-18⁰⁰ Водосвятный молебен пред чудотворной иконой Божией Матери «Скоропослушница».</p>		

<p>Просьба: не использовать для бытовых нужд.</p>	<p>Редактор: наместник Свято-Троицкого мужского епархиального монастыря, благочинный III Епархиального округа (Белогорский, Серышевский, Мазановский районы) игумен Платон (Норматов)</p>	<p>Прочитал сам – передай другому!</p>
--	---	---